

ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ

Повесть

Глава I

В чужой город, к чужим людям

Тук-тук! Тук-тук! Тук-тук! - стучат колеса, и поезд быстро мчится все вперед и вперед.

Мне слышатся в этом однообразном шуме одни и те же слова, повторяемые десятки, сотни, тысячи раз. Я чутко прислушиваюсь, и мне кажется, что колеса выстукивают одно и то же, без счета, без конца: вот так-так! вот так-так! вот так-так!

Колеса стучат, а поезд мчится и мчится без оглядки, как вихрь, как стрела...

В окне навстречу нам бегут кусты, деревья, станционные домики и телеграфные столбы, наставленные по откосу полотна железной дороги...

Или это поезд наш бежит, а они спокойно стоят на одном месте? Не знаю, не понимаю.

Впрочем, я многого не понимаю, что случилось со мною за эти последние дни.

Господи, как все странно делается на свете! Могла ли я думать несколько недель тому назад, что мне придется покинуть наш маленький, уютный домик на берегу Волги и ехать одной-одинешеньке за тысячи верст к каким-то дальним, совершенно неизвестным родственникам?.. Да, мне все еще кажется, что это только сон, но - увы! - это не сон!..

- Петербург! - раздался за моей спиной голос кондуктора, и я увидела перед собою его доброе широкое лицо и густую рыжеватую бороду.

Этого кондуктора звали Никифором Матвеевичем. Он всю дорогу заботился обо мне, поил меня чаем, постлал мне постель на лавке и, как только у него было время, всячески развлекал меня. У него, оказывается, была моих лет дочурка, которую звали Нюрой и которая с матерью и братом Сережей жила в Петербурге. Он мне и адрес даже свой в карман сунул - "на всякий случай", если бы я захотела навестить его и познакомиться с Нюрочкой.

- Очень уж я вас жалею, барышня, - говорил мне не раз во время моего недолгого пути Никифор Матвеевич, - потому сиротка вы, а Бог сироток велит любить. И опять, одна вы, как есть одна на свете; петербургского дяденьки своего не знаете, семьи его также... Нелегко ведь... А только, если уж очень невмоготу станет, вы к нам приходите. Меня дома редко застанете, потому в разъездах я все больше, а жена с Нюрой вам рады будут. Они у меня добрые...

Я поблагодарила ласкового кондуктора и обещала ему побывать у него...

- Петербург! - еще раз выкрикнул за моей спиной знакомый голос и, обращаясь ко мне, добавил: - Вот и приехали, барышня. Дозвольте, я вещички ваши соберу, а то после поздно будет. Ишь суетня какая!

И правда, в вагоне поднялась страшная суматоха. Пассажиры и пассажирки суетились и толкались, укладывая и увязывая вещи. Какая-то старушка, ехавшая напротив меня всю дорогу, потеряла кошелек с деньгами и кричала, что ее обокрали. Чей-то ребенок плакал в углу. У двери стоял шарманщик и наигрывал тоскливую песенку на своем разбитом инструменте.

Я выглянула в окно. Господи! Сколько труб я увидела! Трубы, трубы и трубы! Целый лес труб! Из каждой вился серый дымок и, поднимаясь вверх, расплывался в небе. Моросил мелкий осенний дождик, и вся природа, казалось, хмурилась, плакала и жаловалась на что-то.

Поезд пошел медленнее. Колеса уже не выкрикивали свое неугомонное "вот так-так!". Они стучали теперь значительно протяжнее и тоже точно жаловались на то, что машина насильно задерживает их бойкий, веселый ход.

И вот поезд остановился.

- Пожалуйста, приехали, - произнес Никифор Матвеевич.

И, взяв в одну руку мой теплый платок, подушку и чемоданчик, а другую крепко сжав мою руку, повел меня из вагона, с трудом протискиваясь через толпу.

Глава II